

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Е Ж Е Г О Д Н И К

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

СУДЬБА
РОССИИ
2002

М О С К В А

О.Д.КУРАКИНА

**РУССКИЙ КОСМИЗМ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. –
М.: МФТИ, 1993, – 184 с.**

Задача книги О.Д.Куракиной состоит в том, чтобы выявить духовные основания русской культурной самобытности. В этой связи русский космизм наиболее выразительно представляет традиционные ценности русской культуры “лицом к лицу с современными научными представлениями о мире” (с.8). Отмечая две тенденции в трактовке понятия “русский космизм” (широкую — как социокультурный феномен и узкую — как естественнонаучную школу), автор примыкает к первой и в обзоре современной отечественной литературы вычленяет основные проблемы, которые рассматриваются сторонниками социокультурного подхода к данной проблеме. Речь идет об обосновании научно-философского направления, о выявлении умонастроения — мироотношения — мировоззрения — принципов культуры — определения культуры космической. Эти позиции еще не получили фундаментального исследования, они едва намечены, задача данной работы поэтому состоит в том, чтобы выявить ту доминанту, “которая позволила бы безошибочно узнавать принцип космизма в любом его проявлении” (с.23).

Глава вторая работы посвящена обзору элементов космизма в поэзии, живописи, музыке. Анализируются с этой точки зрения поэмы Г.Р.Державина “*Бог*”, М.Волошина “*Космос*”, В.С.Соловьева “*Три свидания*”. Космические элементы в живописи начинаются с многомерного космизма в иконе, продолжают в трехмерном антропокосмизме живописи (Ф.Рокотов, Д.Левицкий, В.Боровиковский,

О.Кипренский и др.). В XX в. возникла группа “Амаравелла”, провозгласившая в своем манифесте стремление раскрыть различные аспекты космоса. Духовную преемственность с этой группой можно увидеть у М.Чюрлёниса, В.Кандинского и Н.Рериха. Космические гармонии в музыке ярче всего представлены в творчестве А.Скрябина и К.К.Сараджева, о котором почти ничего неизвестно кроме прекрасной книги М.Цветаевой *“Мастер волшебного звона”*, в которой, цитируя рукописи Сараджева (*“Музыка-Колокол”*, *“Мое музыкальное мировоззрение”*), она показывает его теоретиком нового, музыкального понимания мира как всеобщей гармонии и нового мировоззрения как “музыкального взгляда на абсолютно все, что есть” (с.35). Космизм в искусстве, заключает автор, есть “некое целостное видение мира в различных сферах искусства” (с.37).

В третьей главе по аналогии с музыкальной гаммой выделяются ступени русского космизма как “истины всеединого целого” (В.С.Соловьева). Начинается русский космизм с теокосмизма (в искусстве ему соответствуют храмовое зодчество, жития святых, литургия, мозаика, храмовая роспись, иконы). Православный цезарекосмизм начинается с Ивана III; его утверждение связывается с венчанием на царство Ивана Грозного, его вершиной считается царствование Михаила Романова и правление митрополита Филарета (в искусстве вместо храмов теокосмизма возникают храмы-терема, в иконописи — декоративность, портреты и т.д.). С Петра I начинается протестантский имперокосмизм, при котором вся культура претерпевает существенные изменения, становясь полностью светской. Затем выделяется просвещенный олигархокосмизм (Елизавета, Екатерина II). Цензурный бюрократизм связывается с деятельностью Павла I, Александра I и Николая I, при которых русская культура после Отечественной войны 1812г. начинает осознавать себя в философии так, “как она осознавалась в иконе Святой Руси или в храмовом зодчестве средневековья” (с.54). Эпоха реформ Александра II называется “охранительным демократокосмизмом”, на смену которому приходит “революционный антропокосмизм” (Александр III и Николай II), который завершается “катастрофическим демиургокосмизмом” (с.57).

Глава четвертая посвящена анализу философских оснований русского космизма. Предпосылкой философии всеединства, развитой В.С.Соловьевым, стали две, “казалось бы, несовместимые культурологические доминанты: теокосмизм православного видения мира, закреплённого в догмате, и антропокосмизм научных представлений о вселенной, имеющих вид неоспоримости научного знания” (с.61). Именно

философия всеединства и стала онтологическим основанием русского космизма. Поэтому следующая глава посвящена рассмотрению философии всеединства Соловьева. Автор оспаривает взгляд о множественности корней философии Соловьева, утверждая, что во всех своих работах Соловьев излагает откровение Софии как всеединство, как переход от “встреч” в Боге к развертыванию мира или собственно космоса.

Суть космизма Соловьева состоит в утверждении абсолюта как последнего основания мира, как всеединства, “откровением” которого или “субъектом” которого является “мировая душа”, или София. В конце концов онтология Соловьева переходит в антропологию, ибо человек вводится в самую сердцевину бытия мира. Связав онтологию с антропологией, Соловьев указывает и окончательный смысл мирового порядка как полноту бытия в форме всеединства, достижение которой есть процесс богочеловеческий. “Действующей силой исторического процесса в философии всеединства Соловьева и всей последующей за ним русской философии является София как одновременно и душа мира, и идеальное человечество — богочеловечество. Так в философии всеединства на уровне софийности бытия одновременно сходятся два процесса — начало нисхождения в мир божественной сущности (нисходящая гамма теокосмизма) и завершение процесса богочеловечества (восходящая гамма антропокосмизма)” (с.90).

Далее рассматривается сущность архетипа всеединства. Речь идет о свободном соединении в абсолюте всех оживотворенных элементов бытия в онтологии, а в гносеологии — о цельном знании, интуитивном образно-символическом постижении мира, основанном на нравственном усилии личности, на “познании через веру”. Речь идет при этом о концепциях П.А.Флоренского, Д.Л.Андреева, Г.И.Гурджиева, П.Д.Успенского и др., которые в многомерности мира и человека видели иерархическую структуру вселенной. При этом человек и вселенная предстают как два равнозначных полюса творческого откровения Бога, образуя единый организм. Архетип всеединства рассматривается автором как зодиакальный круг духовных созвездий и предстает как двенадцатеричный спектр основных идей. Несмотря на разницу в восприятии мира, каждый русский философ в меру своей универсальности вносит определенный вклад в концептуальное построение всеединого космоса. Поэтому “архетипический подход дает возможность представить русский космизм как некое целостное мировоззрение” (с. 110).

Гносеологические основания русского космизма связываются автором с особым складом русского ума, стремящегося к внутренней

цельности мышления. Хомяков даже распространял принцип соборности на мышление, утверждая, что истина доступна только совокупности мышлений, связанных любовью. Соловьев считал также, что для познания истины необходимо переступить пределы субъективного мышления, вступить в область существующего Всего, т.е. Абсолюта. Что касается сферы знания, то для русских космистов объективное знание не дается ни наблюдением (может возникнуть чувственная иллюзия знания), ни чистым разумом, т.е. субъективной формой. Только первоначало всего существующего сообщает настоящий смысл как идеям философии, так и фактам науки.

Из цельности знания, проповедуемого русским космизмом, возникает проблема универсального синтеза, которую рассматривали П.А.Флоренский в *“Столпе и утверждении Истины”*, Вл.Шмаков в *“Основах пневматологии”*, П.Д.Успенский, изложивший по лекциям Г.И.Гурджиева диаграмму *“Луча творения”*, где мир понимается как живой организм, Д.Л.Андреев в *“Розе мира”*; А.А.Богданов построил оригинальную концепцию архетипа всеединства в своей тектологии (1912) и т.д.

Специальный раздел книги посвящен телеологическим основаниям русского космизма. Мир рассматривается им не только в его наличной данности и возможности его познания, но также и с точки зрения долженствования, с точки зрения его развития и отношения к высшему идеалу. Н.Ф.Федоров призывал превратить знание в проект лучшего мира. Для Соловьева цель человеческого существования определялась как образование всецелой человеческой организации, а объективная нравственность — в сознательном и свободном следовании этой цели; соединение активного личного начала с всеединой идеей (сигизия), воплощение которой составляет смысл исторического процесса в обществе и смысл космического процесса в природе. Этой цели служит и идея регуляции природы у Федорова, которая должна противостоять разрушению и смерти. Идея Федорова об обретении человечеством бессмертия – не только будущих поколений, но и поколений отцов, – была развита К.Э.Циолковским, который видел бессмертие человечества в его расселении по всему космосу, в его последующем превращении в лучистую энергию.

Русский космизм с его взглядом на мир как на органическое целое противоречит механистическому мировоззрению. Ныне человечество исчерпало путь, связанный с механическим видением мира. В терминах русского космизма новый подход к миру мыслится как “ноосферная

синархия” (В.И.Вернадский), как переход от стихийных природных процессов к сознательному научному и нравственному участию в управлении процессами социальной и геопланетной истории. “Синархия – это структура соборности, всеединство иерархического строения, через которое мироздание становится космосом” (с. 164).

И.С.Андреева